

ви?» – возразил дож. – «На всяком условии, – отвечали послы, – какое бы вы им ни предложили, лишь бы они могли выполнить». – «Конечно, – сказал дож, – нам предлагают важное дело, и они, по-видимому, имеют в виду большое предприятие. Мы вам дадим ответ через восемь дней, и не удивляйтесь очень, если срок так велик, ибо следует много подумать о деле столь важном».

По истечении срока, назначенного дожем, они возвратились во дворец. Все слова и речи, которые были там сказаны, я не могу вам передать, но заключение было следующее: «Господа, – сказал дож, – мы вам предоставим то, что мы определили в совете, в ожидании согласия нашего великого совета и всей республики (le commun de la terre), и вы переговорите друг с другом, можете ли то принять. Мы дадим вам перевозных судов для доставки четырех тысяч пятисот лошадей, девяти тысяч оруженосцев, четырех тысяч пятисот рыцарей и двадцати тысяч пехотинцев; и все эти люди обеспечиваются съестным на девять месяцев. Все это будет сделано на том условии, чтобы нам заплатили за каждую лошадь четыре марки и за каждого человека две марки; и все те условия мы исполним в течение одного года, считая со дня, когда мы отплывем из гавани Венеции, отправляясь на службу Богу и христианству, куда бы то ни было. Выпсказанное составляет сумму в восемьдесят пять тысяч марок. И сверх того мы поставим от себя пятьдесят галер из любви к Богу, с тем условием, что в течение всего похода, от всех завосваний, которые мы сделаем на море или на суше, половина нам, а половина вам. Теперь вы подумайте, можете ли вы это исполнить и согласитесь ли».

Послы вышли, сказав, что они переговорят друг с другом и ответят завтра. Они совещались и проговорили всю ночь; согласившись на предлагаемое, они явились на следующий день к дожу и сказали: «Государь, мы согласны заключить этот договор»; а дож ответил, что он поговорит со своими людьми; и как они то найдут, о том даст им знать. На следующий день, который был уже третьим днем, дож, человек мудрый и

могущественный, созвал свой великий совет, а совет состоял из сорока лиц, мудрейших в стране. Своим умом и талантом, который был у него весьма велик и весьма хорош, он сделал то, что все похвалили и одобрили его предложение. Сначала он созвал сто человек, потом двести, потом тысячу, пока все не приняли и не похвалили; наконец, он созвал, по крайней мере, 10 тысяч в церкви св. Марка, красивейшей из всех, какие существуют, и приказал им выслушать обедню Св. Духа и молить Бога, чтобы он просветил их относительно просьбы послов, и все весьма охотно исполнили его приказание.

Когда окончилась обедня, дож отправил к послам и предложил им просить умиленно у народа, чтобы он согласился на утверждение договора. Послы явились в церковь. На них смотрели многие, а особенно те, которые их не видали. Жофруа Виллардуэн (наш автор), маршал Шампани, обратился с речью, одобренной предварительно другими послами, и сказал: «Господа, самые высокие и самые могущественные бароны Франции прислали нас к вам с мольбой о том, чтобы вы пожалели нас, Иерусалимом, поработенным турками, чтобы вы, ради Господа Бога, согласились сопутствовать им для отомщения оскорблений, нанесенных Иисусу Христу; обратились же они к вам, ибо знали, что ни один народ не имеет такого могущества на море, как вы и ваши люди; они повелели нам припасть к вашим ногам и не подниматься, пока вы не согласитесь на их просьбу и не жалитесь над Святой землей, лежащей за морем».

Тогда шесть послов стали на колени, проливая обильные слезы; и дож, и все другие воскликнули в один голос и подняли руки высоко и говорили: «Мы согласны, мы согласны!» И затем поднялся столь великий шум и гром, что, казалось, земля должна была провалиться. И когда этот великий шум и это великое сочувствие, которому подобного не видел никто, успокоилось, добрый дож Венеции, человек мудрый и сильный, взошел на кафедру, говорил народу и сказал так: «Господа, посмотрите на честь, которую сделал вам Бог, когда лучшие люди в мире оставили без внимания все